

Пашков Андрей Викторович

"ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА": ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Статья содержит анализ экономической политики как правового явления. Как правовой феномен, экономическая политика рассматривается как элемент экономической функции государства, являясь способом организации ее выполнения исполнительной ветвью власти. Механизмы экономической политики правительства формируются в связи с обеспечением условий для воспроизводства рыночных социальных отношений, в том числе в связи с обеспечением и реализацией теории прав и свобод человека и правового государства. Гражданское общество рассматривается как субъект права, контролирующей осуществление экономической политики правительств, уравнивающий государство в его влиянии на экономику путем установления пределов такого вмешательства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 133-138. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voproxy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гуськова А. Н. Роль мифа в структуре рекламной коммуникации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16). Ч. 1. С. 72-75.
2. Дмитриева Л. М. Разработка и технологии производства рекламного продукта. М.: Экономистъ, 2006. 639 с.
3. Иванова К. А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. СПб.: Питер, 2008. 160 с.
4. Карпова С. В. Рекламное дело. М.: Финансы и статистика, 2006. 224 с.
5. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. М.: ИНФРА-М, 2003. 230 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2009. 736 с.
7. Пядышева Т. Г. Значение социально-психологического восприятия и воздействия в совершенствовании рекламной деятельности // Актуальные проблемы рекламной деятельности: теория и практика. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. 226 с.
8. Середа К. Н. Справочник по рекламе. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 301 с.
9. Сколота З. Н. Цивилизация как способ организации социального бытия, её специфика и жизнестойкость // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17). Ч. 1. С. 160-162.
10. Топоркова Е. П., Скрипкарь М. В. Основы современных коммуникаций. Чита: ЗабГУ, 2011. 163 с.
11. Учёнова В. В., Старых Н. В. История рекламы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 336 с.
12. Федотова Л. Н. Реклама в коммуникационном процессе. М.: Камерон, 2005. 464 с.

OUTDOOR ADVERTISING EVOLUTION IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION PROGRESS

Vera Stepanovna Pavlova, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of International Law and International Relations
Trans-Baikal State University
VSPavlova2007@mail.ru

The author reveals the features of outdoor advertising evolution in the context of communication progress, basing on the system analysis results concludes that the communicative transformation of outdoor advertising should be considered in relation to social-economic development, socium communicative needs and communications improvement, and shows that the given ideas, positions and conclusions suggest promising directions for the further study and application of outdoor advertising as public communication.

Key words and phrases: outdoor advertising; communication; evolution; communication progress; outdoor advertising means; communication needs.

УДК 34.346

Статья содержит анализ экономической политики как правового явления. Как правовой феномен, экономическая политика рассматривается как элемент экономической функции государства, являясь способом организации ее выполнения исполнительной ветвью власти. Механизмы экономической политики правительства формируются в связи с обеспечением условий для воспроизводства рыночных социальных отношений, в том числе в связи с обеспечением и реализацией теории прав и свобод человека и правового государства. Гражданское общество рассматривается как субъект права, контролирующей осуществление экономической политики правительств, уравнивающей государство в его влиянии на экономику путем установления пределов такого вмешательства.

Ключевые слова и фразы: экономическая функция государства; экономическая политика правительства; экономические и политические права; теория прав и свобод человека; государственное вмешательство в экономику; пределы вмешательства государства в экономику; гражданское общество как субъект права.

Андрей Викторович Пашков, к.ю.н.

Кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарский государственный университет
attorney83@ya.ru

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ[©]

Вопрос об экономической политике как правовом явлении традиционно связывается с рассмотрением проблем участия исключительно государства в экономике и по степени обращения к нему занимает одно из первых мест. Мало какая работа не преминет напомнить о существовании «экономической политики государства» и необходимости того, чтобы она была обязательно эффективной, а то и «державной» [8]. В этом нет ничего удивительного, поскольку «экономическую политику», как и всякую иную политику, рассматривают как род деятельности и ассоциируют с системой, включающей определенный набор целей и задач, достижение которых осуществляется прогнозируемым набором смоделированных способов, методов, мер воздействия.

«Государственность» же политики определяется уже на этимологическом уровне – греческий термин «*politikó*» объединяет государственные или общественные дела, однокоренное «*polis*» обозначает государство.

С другой стороны, экономическая специфика политики связывается, как правило, с выполнением государством экономической функции.

Не останавливаясь подробно на содержании дискуссии о сущности категории «функция государства», тем не менее следует отметить и в целом согласиться, к примеру, с позицией Л. И. Загайнова, который полагал, что «основным, решающим критерием, с помощью которого можно отграничить одну функцию государства от другой, является различие объекта воздействия, т.е. специфика соответствующих общественных отношений, на которые государство воздействует в процессе своей деятельности» [5, с. 4]. Таким образом, можно предположить, что «экономической функцией государства» является одна из общегосударственных задач, вмененных к исполнению в целом всему государству. По этому основанию можно наряду с экономической выделить политическую, социальную и иные функции государства. Однако этот подход не позволяет ответить на вопрос о содержании в данном случае экономической функции государства.

В настоящее время достаточно распространенной точкой зрения по этому вопросу является тезис о том, что указанная категория охватывает как направления деятельности государства (общегосударственные задачи), так и механизм государственного воздействия на общественные отношения [1, с. 21-22; 12, с. 79; 16]. Однако такой подход не разделяет функцию как направление деятельности и функцию как процесс, то есть не разделяет статику и динамику этого явления. Попытку разрешить эту проблему можно найти в рассуждениях Л. И. Загайнова, который обращает внимание на двойственную природу существования функции государства [6, с. 13-14]. М. В. Жигуленков это рассматривает как «обусловленную сущностью государства его способность к деятельности в определенном направлении...» [4]. Авторы учебного пособия «Проблемы теории государства и права», изданного под редакцией М. Н. Марченко, рассматривают функцию государства «как сложное по своей структуре явление, включающее в себя, по крайней мере, четыре элемента: объект (объектную направленность) функции; социальное назначение государства; фактическую деятельность государства (в единстве с ее принципами, способами, методами, формами) и цель, на достижение которой направлена функция» [14, с. 174].

Действительно, рассматривая функцию государства только как некую задачу, не включая возможность ее решения, мы столкнемся с декларативной конструкцией. С другой стороны, объединение всего в одном понятии может скрыть действительную проблематику рассматриваемой сферы. В этом смысле функция как общегосударственная задача – это некая сверхзадача существования в целом государства, то есть одновременно и объект, и цель. Но функция как деятельность – это процесс, который требует соответствующей субъективизации во всех смыслах и значениях. В первом случае мы вполне спокойно можем отнестись к ситуации, в которой экономическая (в данном случае) функция корреспондируется с государством, абстрагированным в нашем восприятии от его аппаратно-чиновничьей сущности. Однако во втором случае требуется конкретный субъект, исполнитель, наделенный определенными правами и обязанностями, реализующий в определенном порядке эти права и обязанности, несущий определенного рода юридическую ответственность за надлежащее выполнение прав и обязанностей и т.д.

С учетом сказанного, субъектом, разрабатывающим и реализующим экономическую политику, с нашей точки зрения, являются правительства различного уровня. Экономическая функция предполагает предоставление этим субъектам определенного рода возможностей (компетенции) в разработке экономической политики. Мы полагаем, что государство в контексте «рассмотрения экономической политики государства» – это функционально-ограниченная система принятия управленческих решений, институционально представленная правительствами (исполнительной ветвью власти, государственным аппаратом) различного уровня.

Функциональная ограниченность экономической функции означает, что государство, обладая определенной властной компетенцией, обеспечивающей реализацию экономической функции, в то же время не имеет права выходить за рамки этой функции, действуя только в объеме предоставленных полномочий, а, с другой стороны, гражданское общество имеет право осуществлять контроль за выполнением этой функции. В рассматриваемом контексте речь должна идти не об «экономической политике государства», а об «экономической политике правительства», тем более с учетом доктринальной поддержки Конституции Российской Федерации [9] – например, подпункты «б» и «в» части 1 статьи 114.

Следовательно, «экономическую политику» можно рассматривать исключительно как форму деятельности правительства (государственного аппарата), то есть исполнительной ветви власти; как систему средств, методов, способов, мер (и т.п.) решения общегосударственных задач правительством различных уровней, определяемых в целом экономической функцией государства. Из этого следует, что экономическая политика на разных этапах существования конкретного государства может быть различной, но в любом случае направленной на реализацию единой экономической функции, которая по содержанию остается неизменной.

Права и обязанности в сфере формирования, исполнения и контроля за реализацией экономической политики не могут быть сконструированы на абсолютных началах и существуют как корреспондирующиеся с правами и обязанностями иных субъектов, участвующих в процессах, связанных с экономической политикой. Однако в настоящее время государственный аппарат в РФ является субъектом, который не только вырабатывает и реализует политику, но одновременно и контролирует ее осуществление.

Экономическая функция государства, рассматриваемая как цель (объект), как и абсолютно все другие функции государства, – это способ обеспечения потребностей и задач гражданина-индивидуума и гражданского общества, реализуемый через категорию публичного интереса. То есть экономическая политика является исключительно формой вмешательства государства в экономику.

С учетом провозглашаемой социальной характеристики современного Российского государства, эта проблема обычно рассматривается как проблема соотношения прав индивидуума и публичных интересов. Наличие последних определено в российском законодательстве формулой, в соответствии с которой ограничения гражданских прав могут вводиться только «на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Этот принцип регулирования отношений, закрепленный в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], является формальной основой позиционирования современного государства в экономике, позволяющей ему создавать правовой режим, предполагающий появление конкретных ограничений при общем разрешении.

Чем определяется содержание такой деятельности правительств различного уровня?

Во-первых, содержание экономической политики правительства определяется целями, задачами, механизмами существования государства как такового, то есть содержанием единой экономической функции государства. К элементам этой части основ экономической политики, которые можно обозначить как базисные (фундаментальные, стратегические и т.п.), относятся задачи, связанные с сохранением рыночной экономики и ее фундаментальных социально-политических институтов, обеспечивающих определенного рода взаимосвязь между экономическими и политическими правами, реализующими возможности субъективизации гражданского общества.

Современная доктрина предполагает рассмотрение прав человека как совокупности всех прав индивидуума, в том числе и экономических. Неотъемлемые права человека – это совокупность прав, обеспечивающих внутреннее, духовное развитие, а также статус индивидуума как самостоятельного субъекта публичного права, в том числе его право на свободу слова, право на религиозную свободу, право на светский характер государства, право на свободу митингов, шествий и демонстраций, право на свободу объединений, право на свободу передвижений и места жительства, право на участие в демократических процессах выборов, право на восстание против тиранической власти и т.д. Неотъемлемые права человека как права, обеспечивающие внутреннее, духовное развитие, не могут быть ограничены и являются гарантией реализации всех других.

Однако в условиях, когда экономическое развитие отдельно взятого сообщества базируется на множестве непредсказуемых факторов, но при этом сохраняется функция государства по обеспечению публичных интересов, в том числе и социального характера, уровень вмешательства государства в экономику не может быть определен заранее или раз и навсегда в неизменном варианте. Как подтвердили события мирового кризиса 2008 и 2009 годов, усиление вмешательства государства в экономику потребовалось даже таким «рыночным» странам, как США и Германия.

Именно в этом смысле у государства появляются конкретные субъективные обязанности публичного характера, в том числе и в первую очередь в сфере экономики. Они не трансформируются в нечто абстрактное абстрактного же «государственного аппарата», а представляют собой обязанности конкретных должностных лиц, наделенных в определенном порядке публичной властью, за неисполнение которых эти должностные лица должны нести конкретную юридическую ответственность. В противном случае сомнения в возможности соотношения субъективных публичных прав гражданина и субъективных публичных обязанностей государства приобретут платонический дух – фундаментальные права действуют императивно, и от действий отдельных индивидов эти права не зависят ни по форме, ни по содержанию, являясь формой достижения очередного общего блага [10].

Таким образом, экономические права в настоящее время являются потенциально ограничиваемыми со стороны государства, реализующего публичную функцию. Но этот традиционный тезис порождает и стандартный вопрос: каковы пределы такого ограничения? Каков алгоритм определения избыточности или недостаточности вмешательства государства в экономику?

Таким механизмом не может не быть реализация комплекса неотъемлемых прав человека и гражданина. Общество и отдельно взятый гражданин определяют результаты деятельности государства по степени удовлетворенности своих запросов и ожиданий. Только правовые возможности, традиционно относимые к числу политических прав, способны обеспечить возможность обществу и отдельно взятому гражданину исправить ситуацию, в которой государство недолжным образом реализует возложенные на него обязанности. Спектр этих возможностей определяется правом на жизнь (ст. 20 Конституции Российской Федерации) и личную свободу (ст. 22 Конституции Российской Федерации), правом на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции Российской Федерации), правом на свободу митингов, шествий и демонстраций (ст. 31 Конституции Российской Федерации), правом на религиозную свободу (ст. 28 Конституции Российской Федерации) и светским характером государства (ст. 14 Конституции Российской Федерации).

Именно в этом соотношении заключается механизм определения границ вмешательства государства в иные права граждан, в том числе экономические, – этот механизм в нужный момент должен обеспечить возможности напомнить государству о наличии пределов его вмешательства. Нарушение этих пределов со стороны государства будет означать качественное изменение рыночных экономических отношений и превращение их в нерыночные, что неизбежно влечет отказ и от других элементов либеральной рыночной концепции [11; 18]. Таким образом, из системы, где экономические права должны были защитить права политические, эта система трансформировалась в систему, при которой уже политические права призваны в том числе обеспечить надлежащий уровень прав экономических – без права «поговорить» невозможно обеспечить право «поесть».

В какой степени перечисленные выше неотъемлемые права и свободы можно отнести к числу экономических? С одной стороны, ответ должен быть категоричен в силу того, что гарантии прав однозначно являются частью правового режима этого права. Если строго придерживаться либертарианской позиции [17], то мы должны констатировать, что практически любая правовая возможность человека имеет в своем основании

экономический характер. К примеру, М. Ротбард не разделяет права человека и право собственности. Он, называя последнее «единственным подлинным правом человека», демонстрирует первооснову даже таких свобод, как свобода слова и свобода собраний, именно в праве собственности [15, с. 355-358]. Естественно, что с точки зрения узкоотраслевых канонов рассмотрения права собственности найдется множество формально-юридических оснований высказать сомнение в обоснованности такого рода позиции. Однако если мы признаем тот факт, что современное моделирование отношений экономического характера с участием предпринимателей (и потребителей-граждан в конечном итоге!) не носит строго частного характера, что изменение характера регулирования связано с вмешательством государства в экономику, что вмешательство является способом выполнения публичных функций государства, то мы должны и признать, что способами надлежащего обеспечения этого вмешательства и формирования модели «экономических прав» являются права, которые традиционно называются политическими. Это правовая конструкция, где имеет место функционально ограниченная, непосредственно контролируемая гражданским обществом и предполагающая возможность привлечения к ответственности система принятия управленческих решений, институционально представленная аппаратом правительств различного уровня. Из этого следует, что субъектом экономического моделирования должно являться не только государство, но в первую очередь гражданское общество в целом. Политические права являются одновременно экономическими, поскольку только они дают возможность субъективировать гражданское общество, которое, в свою очередь, является одновременно и заказчиком, и контролером в области реализации публичных интересов.

Именно в таком контексте возникает и правовой смысл вопроса об ответственности за реализацию экономической политики. В настоящее время этот вопрос никак не решен. Можно сколь угодно много разговаривать о политической ответственности в контексте электоральных побед и поражений, но до тех пор, пока такого рода институты не будут обеспечивать возможность привлечения к реальной юридической ответственности, гарантированность достижения искомых результатов будет оставаться под вопросом.

Следует отметить, что обладание гражданским обществом права на контроль не означает наличия у гражданского общества обязанности осуществлять контроль. Как правило, это обстоятельство приводит постфактум к констатации «отсутствия» гражданского общества, его «недоразвитости», «незрелости», необходимости «становления» и т.д. В действительности в подобного рода ситуации речь идет не об отсутствии гражданского общества или какой-то степени его зрелости, а об отсутствии сформировавшихся правовых традиций и правовых ценностей. Именно последние определяют осознание отдельным индивидуумом и усредненным критическим большинством в обществе целей и задач как индивидуального существования, так и коллективной ответственности за результаты индивидуального существования. Наличие «скрытых правовых традиций» позволяет завуалировать существование истинных характеристик отношений в системе государство – гражданское общество.

Представляется, что приемлемым в рассматриваемом вопросе является тот подход, который, в частности, был избран Гарольдом Берманом в работе «Западная традиция права: эпоха формирования» [2]. Соглашаясь в целом с рассмотрением права как социально-экономического факта, Берман одновременно рассматривает право как идею и ценность (интеллектуальный и моральный критерий), выделяя в нем (применительно к Западу, а следовательно, и к России) сильный элемент традиционности, представленный смещением осознанных и неосознанных элементов. Цитируя Октавио Паса в развитие своего тезиса, Берман приводит его высказывание о том, что «видимая сторона общества – учреждения, памятники, продукты труда, вещи, но это и особенно скрытая от всех взглядов невидимая сторона: убеждения, желания, страхи, сдерживания чувств, мечты» [Там же, с. 533].

В основе «скрытых правовых традиций» лежат особенности правосознания отдельно взятого индивидуума. «Автономное правосознание живет личным, свободным убеждением, но свободного убеждения не может быть в душе подавленного и запуганного человека. Привыкший жить чужим разумом и чужим решением, он незаметно утрачивает центр тяжести своего духа и превращается в какой-то трагикомический придаток другого существа или какой-нибудь тоталитарной партии; он привыкает к внешнему руководству, но не научается внутреннему; он может только усваивать веление со стороны и уже не слышит голоса собственного духа и разума. Постепенно угасает активность его ума, слабеет его волевой почин, уменьшается его сфера самодетельности. Он уже не может жить без надзора и опеки; он уже не в состоянии нести всю полноту ответственности за свои поступки; его дух хиреет; его жизнь становится унижительной» [7, с. 428-429]. Эти слова Ивана Ильина как нельзя лучше демонстрируют этапы деградации правосознания и замены «здорового» правосознания вышеприведенными «скрытыми правовыми традициями».

Изменение идеологических принципов организации общества, формально закрепленное Конституцией РФ 1993 года, повлекло за собой лишь механическое восприятие правовых механизмов, традиционно обеспечивающих реализацию и построения либерального общества. Следствием этого стала полная ценностная дезориентация – на смену «старым» принципам и идеям, имевшим, в свою очередь, глубокие внутренние пороки, пришли грубо скопированные нормы сами по себе, без их осмысления обществом в целом и каждым его членом, не имеющие реальной социальной ценности.

Базовым условием такой специфики очередного «другого» пути России стали особенности того исторического периода, когда гражданское общество было лишено этапа самообучения и самостановления общественного сознания, закрепления в нем объективной необходимости изменений, глубокого осмысления причин, целей и задач нового этапа на основании имеющегося исторического опыта. С учетом этого вполне логичным является предположение о том, что исправление ситуации связано с восполнением этого этапа. Однако остается открытым вопрос о выборе способов прохождения этого этапа – эволюционный или революционный?

Эволюционный путь решения вышеназванных вопросов заключается в том числе в решении вопроса об институализации гражданского общества. Гражданское общество, как юридический феномен, рассматривается как некая среда, которая в лучшем случае имеет социально-политическую целостность. Если вспомнить, что такой «среде» противостоит четко структурированное и организованное «мускулистое» государство, становится понятна разница в восприятии этих явлений и их осознании. Уровень взаимодействия государства и такого гражданского общества сводится к взаимодействию между отдельно взятой общественной организацией и государством в целом.

Иными словами, право гражданского общества определять уровень экономических возможностей, в конечном итоге применимый к конкретному участнику экономических отношений, формируется на основе совокупности прав, позволяющих рассматривать и формировать само гражданское общество как субъект права. В этом смысле мы абсолютно обоснованно можем говорить об экономических правах гражданского общества и государства, в том числе и по вопросам определения содержания экономической политики правительства.

Во-вторых, содержание экономической политики определяется спецификой присутствия государства в рыночной экономике.

Не приветствуя в целом крайности политики невмешательства государства (*laissez-faire*) в рыночную экономику, тем не менее следует помнить о том, что государство (даже идеальное) является лишь механизмом трансформации неких тенденций в реальность, в данном случае правовую. Эти тенденции еще до такого моделирования становятся правовыми в сознании заинтересованного лица. С этой точки зрения, правовое – это и правовая теория, не материализованная в правовой норме, но продекларированная как альтернатива существующей правовой доктрине, и правовая культура, и правовая традиция, и правосознание – как индивидуальное, так и общественное. Их взаимосвязи даже в теории недостаточно понятны и изучены. В практике же правосозидания и правоприменения их уловить можно (и не всегда оперативно), к сожалению, только в виде имеющегося результата. Трудно проследить их взаимовлияние, особенно во взаимосвязях: правовая теория – правовая традиция и индивидуальное правосознание – общественное правосознание. Однако тезис о том, что вмешательство государства должно компенсировать в экономике частный эгоистический рационализм субъектов экономической деятельности, очень распространен. В этом смысле частное рациональное поведение хозяйствующего субъекта становится в публичной плоскости иррациональным. В связи с этим вполне естественен вопрос: почему такое нерациональное поведение хозяйствующего субъекта(ов) и в целом рынка должно компенсироваться рациональным поведением государства-чиновника? По какой причине и с использованием какого механизма еще недавно не облеченный властью, нерациональный и, видимо, недобросовестный гражданин по получении властных полномочий в связи с занятием должности в государственном аппарате вдруг обретет рационализм и добросовестность?

Более того, экономическая политика случайна и субъективна в силу того, что она основывается на ограниченном знании в сфере, в которой мы не можем до конца быть уверенными в истинности этого знания. Она зависит от множества факторов и осложнена потенциальным конфликтом частных начал реализации публичных интересов.

В контексте исследования вопросов о процессах познания, в том числе и экономического, и правового, всегда остается открытым вопрос об истинности как ощущений (основы исследовательского материала), так и получаемых результатов в виде идей. В рассматриваемом вопросе мы не можем до конца быть уверенными в том, что и предложенный вариант экономической идеи, и ее отражение в правовой реальности являются истинными. В данном вопросе мы вынуждены полагаться на тот систематически повторяющийся опыт, в котором мы выделяем кажущиеся нам закономерности – например, всякое государство стремится в той или иной степени влиять на отношения по производству, потреблению, обмену и распределению; государства можно классифицировать в зависимости от систематически однородных признаков, присущих им вне зависимости от исторически разных периодов; классификации государства зависят от имеющихся экономических систем. Наша привычка делать систематические выводы позволяет нам в условиях, когда наш разум приводит к заключению о наличии критического числа таких закономерностей, делать соответствующие выводы. С другой стороны, знание обеспечивает практическую сторону формирования рассматриваемой системы, которая в данном контексте связана с обеспечением наших целей, что в конечном итоге означает необходимость поиска мотивов наших действий как наших предшествующих представлений об этих целях. Какими бы ни были в конечном итоге эти представления – предоставляющими реальные пути решения или нет, истинными или ложными, они существуют как объективная реальность. Взаимодействие такого рода является фактически нашим представлением о возможном достижении конкретных экономических целей. Следовательно, в рассматриваемых связях имеют значение мотивы и интересы, которыми руководствуется человек в процессе экономического взаимодействия.

Таким образом, вопрос об экономической политике в итоге мы можем свести к вопросу, поставленному Карлом Поппером: «Как нам следует организовать политические учреждения, чтобы плохие или некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона?» [13, с. 161].

Список литературы

1. **Атаян Г. Ю.** Экономическая функция Российского государства: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. 207 с.
2. **Берман Г. Дж.** Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Изд-е 2-е. М.: Изд-во МГУ; Издательская группа «ИНФРА-М – НОРМА», 1998. 624 с.
3. **Гражданский кодекс Российской Федерации:** Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

4. Жигуленков М. В. К вопросу о понятии «функция государства» [Электронный ресурс]. URL: http://www.portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1096454818&archive=&start_from=&ucat=5& (дата обращения: 28.02.2012).
5. Загайнов Л. И. О роли экономических функций Советского государства в создании материально-технической базы коммунизма: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 29 с.
6. Загайнов Л. И. Экономические функции Советского государства. М.: Юрид. лит., 1968. 263 с.
7. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. 510+2 с.
8. Козлова Г. В. Державная экономическая политика национального государства в условиях глобализации: автореф. дисс. ... докт. экон. наук. Тамбов, 2009. 48 с.
9. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
10. Королев С. Конфликтология универсальных прав [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=99608> (дата обращения: 16.02.2012).
11. Мизес Людвиг фон. Либерализм / пер. с англ. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2007. 392 с.
12. Общая теория государства и права: учебник / С. А. Комаров. Изд-е 4-е. М.: Юрайт, 1998. 318 с.
13. Поппер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. Чары Платона. 448 с.
14. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юрист, 2001. 656 с.
15. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / пер. с англ. Б. С. Пинскера; под ред. Гр. Сапова. Челябинск: Социум, 2010. XII+418 с.
16. Соловьева А. В. Экономическая функция государства в сфере жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера (на материалах Магаданской области): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 179 с.
17. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
18. Хайек Фридрих Август фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

“ECONOMIC POLICY”: NOTION AND CONTENT

Andrei Viktorovich Pashkov, Ph. D. in Law
Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law
Samara State University
attorney83@ya.ru

The author presents the analysis of economic policy as a legal phenomenon, in such quality considers economic policy as a state economic function element, as the way of organizing its implementation by executive branch, shows that a government's economic policy mechanisms are formed in connection with market conditions provision for social relations reproduction, and among them in connection with the provision and implementation of human and legal state rights and freedoms theory considers civil society as a legal subject that controls the implementation of government economic policy balancing a state in its influence on economy by establishing the limits of such intervention.

Key words and phrases: state economic function; government's economic policy; economic and political rights; human rights and freedoms theory; state intervention in economy; limits of state intervention in economy; civil society as legal subject.

УДК 947.083.5(471.4)

В статье на примере Пензенской губернии рассматривается процесс деградации эсеровского терроризма во второй половине 1906 года. Вырождение революционных террористических групп в полууголовные экстремистские банды рассмотрено во взаимосвязи с тактической линией Поволжского областного комитета, направленной на организационное разделение полномочий в деле постановки террористических предприятий между самим комитетом и местными партийными организациями.

Ключевые слова и фразы: партия социалистов-революционеров; боевые дружины; революционный терроризм; экспроприация.

Александр Борисович Поляков

Кафедра истории и права

Пензенский государственный педагогический университет

alpolyakov1987@yandex.ru

КРИЗИС ЭСЕРОВСКИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1906 – 1907 Г. И УБИЙСТВО С. В. АЛЕКСАНДРОВСКОГО[©]

На протяжении 1902-1907 гг. Пензенский комитет партии социалистов-революционеров (далее – ПСР) был одной из наиболее консолидированных и влиятельных партийных организаций в Поволжском регионе, что было прямым следствием ряда факторов. Среди них: социально-экономические особенности Пензенской губернии (отсутствие крупных промышленных предприятий, преобладание помещичьих земельных